

Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота¹

Евгений Варшавер

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Центра региональных исследований и урбанистики,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
руководитель Группы исследований миграции и этничности
Адрес: просп. Вернадского, д. 84, к. 3, Москва, 119571, Российская Федерация
E-mail: varshavere@gmail.com, evarshaver@hse.ru

В данной статье представлена дескриптивная теоретико-методологическая модель, созданная на основании современных конструктивистских подходов к исследованиям этничности и находящаяся в контексте когнитивного поворота, происходящего в социальных науках в целом и исследованиях этничности в частности. Эта модель является синтетической и отвечает на вопрос, что именно нужно исследовать, когда исследуется этничность. Она также предоставляет инструменты для операционализации этничности в эмпирических исследованиях. В общем виде модель описывает дифференцирующие коллективные представления. Ее ключевой элемент — этнические категории и их соотношения. Эти категории связаны с атрибутами первого и второго порядка. Третий элемент в модели — общие представления об этничности, характеризующие ее конструкцию, понимаемую как совокупность категорий, атрибутов и общих представлений во взаимосвязи.

Ключевые слова: этничность, конструктивизм, когнитивный поворот, конструкция этничности, категории, Брубекер

Исследования этничности находятся в перманентном кризисе в силу неопределенности объекта. Уйдя от наивного «группизма», к согласию по поводу основного фокуса изучения ученые так и не пришли. В качестве такового порой используются метафоры («этнические границы») (Sanders, 2002; Chai, 1996; Ingelaere, Paviotti, 2023), или концепты («идентичность»), значение которых в связи с широтой применения оказывается размыто и противоречиво (Nagel, 1994; McDermott, Samson, 2005; Modood, 2004). В результате эмпирические исследователи оказываются дезориентированы, поскольку им до конца не ясно, что именно нужно наблюдать и о чем спрашивать. Было реализовано несколько важных проектов, призванных снизить степень теоретико-методологической неопределенности (Wimmer, 2013; Chandra, 2012; Jenkins, 1994; Brubaker, 2006), однако они справились с задачей не полностью, отчего ситуация лишь усугубилась.

1. Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

В этой статье будет произведена попытка решения ограниченной, однако, как представляется, ключевой для построения устойчивой программы исследований задачи. Эта задача состоит в создании дескриптивной теоретико-методологической модели для исследования этничности. Следует отметить, что эта задача лишь в небольшой степени состоит в том, чтобы дать определение этничности, поскольку оно должно служить рамкой для последующего выделения концептов и различных методологических ходов, позволяющих исследовать этничность эмпирически. Именно эта работа — по концептуализации этничности для эмпирического изучения — и является центральной в статье.

Для начала будут эксплицированы теоретические основания модели (конструктивистские исследования этничности и когнитивный поворот), затем определен теоретический объект в широком, социологическом смысле, далее пунктирно описана история определений этничности и дано рамочное, рабочее определение. Затем — в качестве основного результата — будет предложена дескриптивная теоретико-методологическая модель исследования этничности и ряд эмпирических решений, фокусирующихся на тех или иных элементах этой модели. В заключение модель будет сопоставлена с проектами-предтечами, определено ее положение среди них, ее ограничения и перспективы, в том числе при междисциплинарном использовании.

Конструктивизм и когнитивный поворот в исследованиях этничности как теоретические основания модели

Описываемая модель лежит в русле конструктивистской социологии. Реконструкция интеллектуальной генеалогии конструктивизма (или конструкционизма) не входит в задачи данной работы², однако важным представляется коротко резюмировать основную идею конструктивизма. Согласно ей, социальные явления — это коллективные представления, создающиеся и поддерживаемые в ходе взаимодействия между людьми. Эти представления воспроизводятся за счет институционализации и рутинизации, передаются новым членам общества в процессе социализации и таким образом формируют реальность для индивидов.

В исследованиях этничности конструктивизм стал популярен в третьей четверти XX века с работами Ф. Барта (Барт, 2006). Параллельно под влиянием конструктивизма оказываются и смежные области, в частности исследования национализма (Геллнер, 1991; Hobsbawm, Ranger, 2012; Андерсон, 2001). Современные ключевые авторы-конструктивисты (Wimmer, 2013; Chandra, 2012) указывают на тотальную победу конструктивизма над его воображаемыми «врагами» и на не-

2. Отметим лишь, что конструктивизм обычно связывают, с одной стороны, с работами символических интеракционистов (Adler-Nissen, 2016), с другой — феноменологов (Seigfried, 1976; Pilarska, 2021), а наиболее полное и одновременно популярное его изложение, как считается, можно найти в работе «Социальное конструирование реальности» П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман, 1995). Некоторые важные аспекты конструктивизма описаны в этих работах: Andrews, 2012; Pfadenhauer, Knoblauch, 2018.

обходимость создания соревнующихся конструктивистских рамок для развития области³. Конструктивистский взгляд «прикладывается» к этничности таким образом, что этнические явления рассматриваются в качестве продукта постоянного «производства» в ходе коммуникации и именно фокус на «производстве» или «делании» этнических явлений оказывается определяющей особенностью конструктивизма и вызовом для эмпирических исследований.

Важно, однако, что конструктивизм, вопреки расхожему мнению, не утверждает «флюидность» и «изменчивость» этнических явлений, а лишь указывает на их коммуникативную природу, поскольку они только кажутся стабильными, а по факту «пересобираются» всякий раз примерно в том же виде, что были до. Не утверждает конструктивизм и обязательной «поверхности этнических идентичностей». Напротив, в его рамках выделяется инструментализм, уделяющий внимание ситуациям рациональной навигации между этническими контекстами и категориями, и примордиализм, фокусирующийся среди прочего на вопросе, почему, несмотря на сконструированную природу этничности, она оказывается критически важна для людей.

В рамках конструктивистских исследований этничности нет консенсуса относительно объекта исследований — существует традиция, тянущаяся от Ф. Барта и в последние годы продолженная А. Виммером (Wimmer, 2013), в рамках которой изучаются этнические границы. В других исследованиях (например, К. Чандры (Chandra, 2012)) во главу угла ставится идентичность, иногда, однако, как в работах Р. Дженкинса (Jenkins, 1994), предлагается фокусироваться на этничности в целом, затем детализируя, что имеется в виду. Все упомянутые авторы, впрочем, сходятся на том, что в непосредственном фокусе исследований этничности должны быть помещены этнические категории и процесс категоризации. Помещение именно этих явлений в фокус исследования, однако, следует атрибутировать второму важному теоретическому основанию созданной модели — когнитивному повороту в исследованиях этничности.

Под когнитивным поворотом понимается рецепция принципов и методологий когнитивных наук в социальных исследованиях (Ignatow, 2007; Raphael, 2017; Fuller, Mey, Shinn, Woolgar, 1989). Когнитивный поворот, начавшийся после Второй мировой войны, затронул как в целом социологическую теорию, так и отдельные направления, однако, как ни странно, исследований этничности этот поворот коснулся в меньшей степени. За одним исключением (Van Dijk, 1984, 2009) до последнего времени не встречалось крупных междисциплинарных программ, а конкретные эмпирические исследования этничности, которые проводились бы социальными учеными с заимствованием когнитивных подходов и методов, — можно пересчитать по пальцам одной руки. Это еще более удивительно в связи с тем, что науки, относящиеся к когнитивным, занимаются вопросами этничности глубоко

3. Впрочем, в той мере, в какой речь идет о смене парадигмы, — этот процесс растянут во времени и пространстве, и если там, где работают эти авторы, не-конструктивистов (хотя бы по самоопределению) не осталось, на научной периферии они могут продолжать существовать.

и фундаментально. Теория контакта Г. Оллпорта и последователей (Allport, Clark, Pettigrew, 1979), парадигма малых групп Г. Таджфела (Tajfel, Turner, 1979; Diehl, 1990), нейрофизиологические исследования «расовых» стимулов (Pyasik, Proverbio, Pia, 2023; Kubota, Banaji, Phelps, 2012), разработки в области face-space (Sporer, 2001; Valentine, Lewis, Hills, 2016), эволюционная психология и антропология этничности (Моя, Boyd, 2015; Cosmides, Tooby, Kurzban, 2003) и многое другое образуют важнейший ресурс для междисциплинарного понимания этничности.

Обратил на это внимание Р. Брубекер (Brubaker, Loveman, Stamatov, 2004; Brubaker, 2006), связав это с гуманистическими ориентациями современных социальных наук и «боязнью» психологического редуционизма. Вместе с тем, отметил он, в той мере, в какой социальные науки и, в частности, исследования этничности «разукрупняются» (это касается их теоретического объекта исследований), а фокус их методологического внимания переносится на индивида и его восприятие реальности, можно считать, что этот поворот уже осуществляется. Более того, в некоторых фрагментах он и составляет ядро современного конструктивистского мышления и потому неотделим от конструктивизма. Основной «заповедью» когнитивного поворота, который, применительно к исследованиям этничности, был провозглашен Брубекером, является переход от изучения этничности как «вещи в мире» к изучению ее как «взгляда на мир». Или, иначе говоря, тем способом восприятия и интерпретации информации, который, будучи преобразован в действие, и создает этнические феномены. Важнейшим теоретическим последствием этой идеи для конструктивистских исследований стал отказ от этнических групп в качестве объекта. С точки зрения когнитивного поворота группы оказываются не элементом внешней реальности, а когнитивным инструментом воображения и с этой точки зрения и должны изучаться.

Что же конкретно — если не группы — может оказаться в фокусе исследований этничности? В этот фокус, согласно Брубекеру, следует поместить «процессы классифицирования и категоризирования — формального и неформального <...>; <...> категории и фреймы, вокруг которых организовано социальное сопоставление и социальное объяснение; схемы, скрипты и культурные модели, которые позволяют воспринимать, испытывать или интерпретировать ситуации и последовательности действий <...>; когнитивные смещения в восприятии и переработке информации, которые заставляют нас воспринимать информацию селективно <...>» (Brubaker, Loveman, Stamatov, 2004: 48-49). По мнению Брубекера, когнитивный поворот может и должен быть эксплицирован, а взаимодействие между социальными науками и когнитивистикой следует интенсифицировать, потому что современный конструктивизм — это уже в некоторый степени когнитивистика, но не имеющая доступа к ее методологиям и результатам.

Когнитивному повороту описываемая в этой статье теоретико-методологическая модель обязана многим: (1) антигруппистской онтологией и фокусировкой на категориях как основном операторе восприятия и интерпретации реальности; (2) антиэлитарностью и фокусом на способах восприятия и интерпретации реаль-

ности «простыми» людьми; (3) методологическими ходами, более свойственными для когнитивных наук (в частности, элицитация, ориентация на категории и процесс категоризирования).

Модель — эксплицитно или имплицитно — базируется и на других концепциях и идеях из социальных наук и исследований этничности. Например, в той мере, в какой, согласно конструктивизму, этничность «происходит» в коммуникации, а коммуникация зачастую носит вербальный характер, модель находится в контексте лингвистического поворота в социальных науках (Searle, 1979; Surkis, 2012; Sacks, Schegloff, Jefferson, 1978) и, в частности, ориентируется на методы текстового анализа, разработанные в его рамках (Hutchby, Wooffitt, 2008; Gee, 2014; Tannen, Heidi, Schiffrin, 2015). Поскольку этничность — это элемент «социальной ткани», эмпирически едва ли отделяемый от прочих явлений, а конструирование этничности происходит в том числе за счет разного типа материальности (пусть и символизированной), периферийным основанием модели является акторно-сетевая теория и «поворот к вещам» (Latour, 2007; Вахштайн⁴, 2015). Методологически модель ориентируется на идею насыщенного описания К. Гирца (Гирц, 2004), а также обоснованной теории А. Стросса (Glaser, Strauss, 2017). Можно, кроме того, упомянуть ряд важных идей из исследований этничности, также послуживших основанием для модели. К ним, например, относится «воображение» Б. Андерсона (Андерсон, 2001), и «мифосимволические комплексы» Э. Смита (Smith, 2009).

Что исследуется, когда исследуется этничность: определение объекта

Для того чтобы перейти к непосредственному и детальному описанию модели, надо разрешить два рамочных вопроса. Во-первых, какого рода явления исследуются, когда исследуется этничность и в какой форме этничность существует? Во-вторых — что такое этничность и как выделять ее среди прочих явлений? Начнем с того, что в конструктивистских социологических исследованиях редко рефлексивируется объект исследования в широком смысле. Как будто бы речь идет о социальных конструктах, однако, несмотря на парадигмальность конструктивизма, удивительно мало было произведено попыток уточнения этого понятия, и, кажется, термин этот используется в большей степени для указания на социальную природу разнообразных «самоочевидных» явлений, нежели в качестве инструкции для эмпирического исследования.

Есть, однако, и другие концепты, претендующие на роль такого — зонтичного — термина. В частности, это «социальные факты» Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 2019), находящиеся в нечетко определенном соотношении с его же термином — «коллективные представления», который затем заимствуется в виде «социальных представлений» французским социальным психологом и социологом С. Московичи (Moscovici, 1981; Moscovici, 2001). Анализ этого и других концептов, а также

4. Признан Минюстом иноагентом.

их применений в конкретных исследованиях указывает на то, что при несколько различающейся семантике и теоретическом контексте — в качестве общего объекта, частным случаем которого является этничность, могут быть с одинаковым успехом взяты конструкты, факты или представления. В рамках модели решено использовать классический термин — «коллективные представления», из которых затем выделяются представления особого толка, связанные с этничностью.

Коллективные представления — это факты внешней по отношению к каждому человеку, социальной, интерсубъективной реальности, которые интериоризируются им в ходе социализации. Более того (и это важный ход в рамках теоретической повестки по интеграции конструктивизма и когнитивного поворота), эти представления на следующем шаге становятся лекалом, организующим восприятие других фактов реальности и ее интерпретаций, и функционируют в качестве когнитивных схем. Представления и схемы в теоретическом смысле не тождественны друг другу, существуют схемы, которые не выражены в качестве представлений, и наоборот, представления, которые не используются для интерпретации реальности, вопрос их соотношения важен и, несмотря на попытки (Augoustinos, Innes, 1990), пока не решен. Однако — рамочно — можно говорить о том, что эмпирически коллективные представления и схемы накладываются, и изучение коллективных представлений неизбежно влечет за собой изучение и когнитивных схем — в той мере, в какой представления «сталкиваются» с реальностью.

Итак, в рамках создаваемой модели, в общем виде, исследования этничности фокусируются на коллективных представлениях и на том, как они организуют восприятие окружающей действительности. Теперь нужно очертить поле исследований этничности. Это также непростая задача. Исследования этничности в широком смысле пережили три «дефинаторных эпохи» — периода (впрочем, довольно условных и накладывающихся один на другой хронологически), когда главенствовало то или иное определение этничности. Сначала — в той мере, в какой объектом исследования были по-разному называемые этнические группы — именно их определение, объединяющее ее участников (культура, территория, хозяйство, самоопределение и проч.), и было определением этничности (Hutchinson, Smith, 2008; Charsley, 1974). Затем — под влиянием Барта и идеи этнической границы — определения этничности стали фокусироваться не на группах, а на взаимодействиях, в ходе которых происходит дифференцирование. В частности, А. Коэн (не очень удачно, но характерно для направления) определяет этничность как «вражду между этническими группами, в ходе которой люди подчеркивают свою идентичность и исключительность» (Cohen, 2013). Ни первый, ни второй тип определений, однако, не решил «проблемы признаков» — что именно является указанием на этническую природу групп (первая «эпоха») или границ (вторая «эпоха»? Люди могут говорить на одном языке, но не вести совместного хозяйства, или определять себя сходным образом, но не говорить на одном языке. В ответ на эту проблему стали появляться так называемые «минималистические определения», ознаменовавшие третью «дефинаторную эпоху» и утверждавшие, что этнические

дифференциации отличает от всех остальных то, что — в общем случае — речь идет о так называемом десцентном классификаторном правиле, в рамках которого членство в этнической категории наследуется от родителей (Fearon, 2000; Chandra, 2014). Такое определение, впрочем, не позволяет всерьез отделить этнические явления от классовых дифференциаций, с одной стороны, и родовых/семейных — с другой. Была произведена попытка решить эту проблему через идею вернакулярной эссенциализации, разрабатываемой в когнитивной психологии и антропологии этничности, согласно которой те категории являются этническими, в отношении которых у людей «включается» эссенциалистское, холистское мышление. Однако когнитивные науки постепенно от идеи эссенциализации уходят, а значит, и прием этот едва ли может быть эффективно использован. В целом, если давать формальное определение, которое лаконично аккумулирует продвижения в этой области, получится, что *этничность — это социальная организация различий, производимых на основании категорий, членство в которых преимущественно наследуется*. Однако нужно понимать, что, по всей видимости, четкое выделение этнических феноменов из всех остальных является на данном этапе нерешаемой задачей. Можно попытаться дать менее формализованное, смысловое определение, базирующееся на когнитивизированном конструктивизме и считать этничностью постоянно осуществляемые категоризации и классификации людей, результаты которых существуют и воспроизводятся в форме коллективных представлений: вернакулярных и институционализированных. Иными словами, в фокусе исследований находятся постоянно воспроизводящиеся во взаимодействии коллективные представления, организующие социальные отношения. Люди верят в то, что индивиды дифференцируются определенным образом, фактически во всякий момент времени заново осуществляя дифференциацию, наделяют эту дифференциацию и дифференцирующие категории смыслом и действуют исходя из этого, на следующем шаге «перепроизводя» общественные структуры, связанные с этничностью. Или еще короче: речь идет о совокупности дифференцирующих представлений, организующих социальные взаимодействия. Однако что это за представления? Какие в рамках этих представлений выделяются элементы? Как они — представления и элементы — организованы? И на что именно — вне зависимости от конкретной теоретической логики, метода или типа собранной информации следует обращать внимание в эмпирических исследованиях? Об этом пойдет речь в описании модели.

Конструкция этничности и ее компоненты

Итак, этничность — это тип дифференцирующих коллективных представлений. Эти представления организованы вокруг категорий (рис. 1), и именно категории находятся в концептуальном центре модели. Категории в рамках этих представлений могут соотноситься друг с другом в нескольких режимах. Это может быть *категоризация*, то есть слабоструктурированный набор категорий, *классифи-*

кация — структурированный неиерархический набор категорий, или *таксономия* — структурированный набор категорий, в рамках которого одни категории «входят» в другие. Зачастую вернакулярные представления существуют в форме категоризаций, а формализованные — в форме классификаций (типичный пример — список «народов» в переписи). Как первые, так и вторые представления могут быть таксономизированы («прибалты», в которых, согласно вернакулярным представлениям, входят латыши, литовцы и эстонцы, или «казаки» и «поморы» как подкатегории «русских» в процедурах переписи). Вернакулярные представления могут быть организованы и иным образом, в частности, соотношение между категориями может быть *кластерным*, на базе представлений о культурных сходствах, «исторического родства», «межэтнических отношений» (альянсов, вражды), дискурсивного контекста (о категориях говорят в контексте друг друга, и в такой «связке» они и перекочевали в коллективные представления) и проч. Еще одним типом соотношения между категориями может быть *иерархия* — представление о том, что по значимым общественным критериям одни категории выше других. Фактические способы организации этнических категорий (вероятно, по-разному структурированные в рамках социальных *imaginaries* — например, разнообразных «фестивалей национальностей» — и в качестве элементов когнитивных схем), впрочем, являются эмпирическим, мало исследованным, но при этом ключевым для исследований этничности вопросом.

С каждой категорией связаны атрибуты нескольких типов. Во-первых, это *характеристики* — обобщенные, стереотипизированные качества представителей категории (например, чеченцы сильные, у них боевитые мужчины). Во-вторых, это *индикаторы* — признаки, по которым представители категории могут быть определены или выявлены (чеченцы носят бороды, у них характерный акцент, в свидетельстве о рождении у них написано, что они чеченцы). Соотношение характеристик и индикаторов — отдельный теоретический вопрос (возможно, индикаторы — это подтип характеристик), в рамках модели, однако, важно, что индикаторы — это то, что позволяет осуществлять фактическое дифференцирование, и в связи с этим они выделяются в отдельный элемент модели. В-третьих, это *нормы* — представления о правильном поведении «в связи» с категорией. Это могут быть как представления о том, как безопасно вести себя, находясь рядом с представителями категории (не заигрывать с чеченкой), или как действовать, будучи представителем категории (хороший чеченец должен быть готов дать отпор кому угодно). В сущности, категории с их атрибутами уже способны организовывать и фактически организуют социальные взаимодействия. Назовем эти атрибуты *атрибутами первого порядка*.

Но представления, за счет которых «сшивается» социальная реальность, устроены тоньше, и — в атрибуты второго порядка — помещены некоторые явления из широкого их разнообразия, которые могут связываться в представлениях с этническими категориями. Это могут быть *места и территории* (Чечня в России, «чеченский» Ауховский район в Дагестане, ТРЦ «Европейский» и «чеченские»

кафе в Москве), это могут быть *литературные произведения и фольклор* («Валерик» Лермонтова, казацкая песня «На горе стоял Шамиль») или еще менее формализованные *нарративизированные представления* (один сосед рассказывает другому, что видел вчера двух чеченцев с арматурой), это могут быть *занятия* (чеченцы — спортсмены или бандиты), это могут быть *конкретные люди* (Рамзан Кадыров) и проч. Атрибуты второго порядка являются открытым списком и в него входит все то, что фактически связывается с категориями. Важно, что эта сетка — категории и их атрибуты — это, во-первых, интерфейс и мембрана, организующая конкретные социальные взаимодействия, во-вторых, она и ее элементы связываются сетевым отношением с другими представлениями, не являющимися этническими, и все эти представления и организуют поведение человека.

Существует, однако, и еще один тип представлений. Они — общие и относятся ко всей сети категорий и атрибутов, являясь рамкой для их восприятия. Если чуть дифференцировать, такие представления бывают двух больших типов: *«народная социология этничности»*, включающая в себя представления о природе этнической принадлежности, врожденности или приобретаемости членства, правилах перехода из одной категории в другую, детерминированности поведения этнической категорией; и *метакатегории-ключи*, описывающие категории в целом и смыслы этих метакатегорий (национальности, расы, племена), которые на следующей итерации регулируют отношение к этим категориям.

Все три типа представлений — категории во взаимоотношении, атрибуты категорий и общие представления — образуют *конструкцию этничности*. Эта конструкция может быть в большей или меньшей степени институционализована (то есть нормы, связанные с теми или иными категориями, равно как и сами категории, могут быть разной степени формализации и социальной проявленности), в ее производстве разную роль могут играть разные акторы, включая государство (один из важнейших «игроков в поле этничности» в современности). Однако именно категории, их атрибуты и общие представления — это и есть дистиллированный смысл этничности как коллективных представлений, организующих восприятие реальности и структурирующих социальные отношения в некотором контексте. Именно конструкция этничности, представленная в обобщенном виде выше, и является «нулевым километром», базовым объектом описания в исследованиях этничности. В реальности, однако, речь идет не о единой конструкции этничности, а о распределении конструкций этничности по людям, территориям и социальным кругам, а эмпирическое описание конструкции этничности — это описание вариативности конструкций этничности в выделяемом в исследовательских целях контексте. Этот контекст, в свою очередь, может быть сколь угодно узким (один человек) или широким (все человечество, для описания которого в этнических терминах используются метакатегории «нации» или «расы»). На следующем этапе будут представлены исследовательские ходы, стратегии и методологии, позволяющие осуществить такое описание, а также примеры эмпирических исследований, в рамках которых такое описание осуществляется. Однако — перед

тем как перейти к этому, необходимо сделать ряд дополняющих модель замечаний, дающих представление о соотношении между индивидами, схемами восприятия и коллективными представлениями, а также ре-интерпретировать на этом основании ряд явлений, с которыми обычно связана определенная путаница.

Конструкция этничности

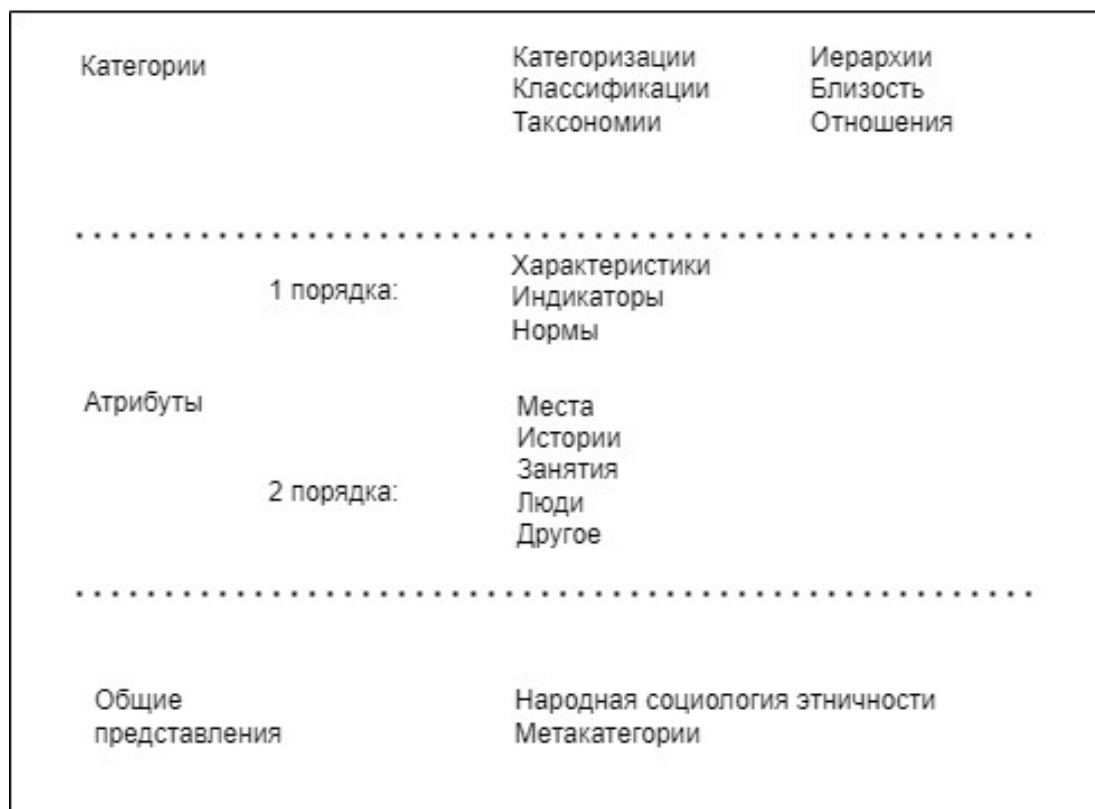

Рис. 1. Теоретическая модель

Интериоризация и идентификация, ситуативность и релевантность

Итак, конструкция этничности — это коллективные представления, изначально внешние по отношению к человеку, однако, как следует из общей конструктивистской социологической теории, в ходе социализации человеком интериоризируемые, в результате чего эти представления становятся объектом веры и практики. Интериоризирует человек социальную реальность и конструкцию этничности целиком, однако обычно его личная позиция в ней не является произвольной. И категория, посредством которой человек оказывается определяем (собой и другими людьми) в рамках интериоризированной конструкции этничности, называется *категорией идентификации*.

Далее, как говорилось выше, конструкция этничности — это совокупность коллективных представлений, ограниченная определенным территориальным или иначе выделяемым контекстом. Человек может перемещаться между контекстами, в результате чего меняется и его категория идентификации. Так решается классический для исследований этничности вопрос «ситуативности» этничности. Не этничность или идентичность ситуативны, как об этом иногда пишут (Okamura, 1981; Пыжова, 2012), а конструкции этничности различаются между собой в разных территориальных и социальных контекстах. Оказываясь в новом контексте, человек интериоризирует разный набор категорий, в результате чего и категория идентификации оказывается для него другой. Один и тот же человек может быть аварцем в Дагестане, дагестанцем в Москве и русским в США именно в связи с тем, что различаются конструкции этничности, то есть представления о том, какие бывают «типы» людей. Попав в новый контекст и интериоризируя представления, существующие в этом контексте, человек интериоризирует и свое место в нем, и весь набор представлений об отношениях этой категории с другими.

Категория идентификации, помимо того что через интерфейс представлений об этничности регулирует отношения с другими людьми, оказавшимися вписанными в конструкцию этничности, обычно является фактором, детерминирующим конкретную модификацию конструкции этничности. Конструкция этничности должна быть до определенной степени похожа у разных людей, чтобы люди могли ее использовать для взаимодействий, но также она неизбежно отличается, и зачастую кластеризуется исходя из категории идентификации. Определяемые в конструкции этничности как «чеченцы», скорее всего, атрибутируют категории «чеченцы» позитивные качества, люди, описываемые в том же контексте иным образом, в этом атрибутировании, скорее всего, будут более разнообразны. Эти вопросы освещаются в психологической теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1979; Hogg, 2016), которой, однако, как следует из ее стандартной критики, недостает описываемого социологического компонента. Вариативность представлений, определяемых категорией идентификации, также является элементом описания эмпирической конструкции этничности.

Важно, однако, что по причинам, о которых следует говорить отдельно, может различаться полнота интериоризации конкретной конструкции этничности, то есть степень убежденности человека, что люди делятся именно на категории, взятые из конструкции этничности. Вероятно, одним из факторов, влияющим на это, является то, насколько часто человек перемещается между контекстами — регулярная смена контекстов часто приводит к тому, что как минимум часть из них перестает восприниматься всерьез. Возможно, кроме того, объектом рефлексии в такой ситуации становится сам феномен этничности, в результате чего человек «вырастает» из тех «народных социологий этничности», которые предлагаются ему. Более того — такие рефлексии могут привести и к сознательному или несознательному перемещению между контекстами, целенаправленной их модификации и прочим вещам, которые обычно связывают с инструментальным подходом в исследованиях этничности.

Конструкции этничности могут различаться не только от контекста к контексту, но и в рамках одного контекста — от сообщества к сообществу и от человека к человеку. Вокруг этих различий разворачиваются споры и конфликты, зачастую вписанные в более широкие структуры интересов. В фокусе конфликтов могут быть разные аспекты конструкции этничности: список категорий, их соотношения (является ли одна категория подкатегорией другой, является ли одна категория «лучше» или «хуже» другой), характеристики категорий и многое другое. В силу различий между индивидуальными конструкциями этничности такие конфликты естественны, а в силу вписанности этничности в прочие социальные отношения дифференцирующие представления могут быть как орудием в конфликте, так и складываться в результате конфликта, становясь воплощенным его исходом (в компромиссном варианте или в «версии» одной из «сторон»).

Конструкция этничности, кроме того, это не единственный набор коллективных представлений, в которых и которыми живут люди, а этнические классификации — не единственные социальные классификации. Из этого следуют две вещи. Во-первых, конструкция этничности не всегда является «ключом» к интерпретации тех или иных событий. Как и почему человек выбирает конструкцию этничности как интерпретативную рамку (постоянную или ситуативную), какие триггеры вызывают эти интерпретации — все это легитимные темы для исследований. Во-вторых, конструкция этничности может меняться, одни ее эмпирические варианты приходят на смену другим. Скажем, коллективные представления об этничности, распространенные на территории современной Москвы 1000 лет назад и, вероятно, включавшие в себя племенные категории (кривичи, вятичи и проч.), уступили место современным, организованным вокруг метакатегории «национальность». Динамика конструкции этничности и ее детерминанты — также важная тема.

Выше, таким образом, был сначала решен вопрос выделения этничности как переменной, описывающей набор коллективных представлений в связи между собой, затем пунктирно описана взаимосвязь этих представлений с внешними по отношению к ним элементами реальности — людям, контекстам, актам интерпретации и проч. Существует много иных вещей, которые являются надстройкой над этой моделью, и в совокупности образуют теорию этничности, однако в ее основании должна лежать понятная, операционализируемая, концептуализация. Эта концептуализация и была представлена выше. В следующем фрагменте будут описаны дизайны исследований и их фрагменты, призванные проиллюстрировать то, как эта концептуализация может быть операционализована, а этничность — описана в эмпирическом ключе.

Эмпирические дизайны и ходы

Описанная выше модель носит принципиально синтетический характер — не будучи операционализацией конкретной теории (но воплощением определенного тео-

ретического ракурса), она призвана ответить на вопрос, что именно — в теоретическом смысле — базово исследуется, когда исследуется этничность вне зависимости от того, как она затем объясняется. И ответ на этот вопрос такой: исследуются дифференцирующие коллективные представления. Эти представления детализированы в виде схемы и контекстуализированы соображениями об их соотношении с индивидами и другими социальными явлениями. Важность этой схемы среди прочего состоит в том, что она дает прямой выход на операционализацию в рамках эмпирических исследований. Фактически она представляет собой набор концептов, которые можно исследовать «в поле». И ниже будет представлен ряд ходов и решений, когда-то примененных автором статьи. Этими примерами возможности эмпирического исследования, разумеется, не исчерпываются, однако они позволяют составить представление, как и за счет каких конкретных инструментов, методов и дидактических приемов этничность может быть изучена/описана в рамках полевого исследования.

Конструкции этничности: от интервью к общему описанию

Начать можно с интервью. В ходе разговора с исследователем (полностью посвященного теме этничности или связанного с ней постольку поскольку) информант постепенно эксплицирует свой жизненный мир и — вместе с ним — и конструкцию этничности. Далее следует аккуратно, на основании одной из подходящих техник (дискурс-анализ, разговорный анализ и проч.) и отталкиваясь от компонент модели, выявить сеть категорий и атрибутов, а также общие представления. Вот выдержки из двух интервью, взятых в 2016 году в одном из сел на берегу озера Севан в Армении в ходе исследования связи между конструкцией этничности в селах и миграционными стратегиями селян⁵.

Информант: Джордж Браун сказал, что армянский язык предназначен для того, чтобы говорить с Богом. Потому что он в себе имеет те буквы, которые имеют человеческий язык.

Интервьюер: То есть армянский — это человеческий, на самом деле?

Информант: Да. В нем есть все буквы, которые может человек произнести. Например, по-английски, если ты хочешь сказать «Ш», то пишешь «С», потом «Х». А у армян нет такого. Все буквы есть. Наш алфавит написан в 405 году.

Интервьюер: А еще я знаю, что есть езди [езиды]. Мне никто не может объяснить разницу между курдами и езди.

Информант: Они, знаешь, у них просто фамилии армянские. В этом и разница. А так — курды, езди — один язык. Разницы нету никакой. Просто они чуть-чуть поменяли фамилии. Никакой разницы нет.

Интервьюер: А еще я слышал, что они немножко другой религии как бы.

Информант: А это я не знаю. Это мне не... Я такого ничего не знаю. Моя семья хорошо живет, все остальное мне не важно.

5. Некоторые результаты этого исследования были освещены в следующей публикации: Варшавер, 2022а.

Задача состоит в «дистиллировании» из текста конструкции этничности. Так, в первой выдержке категории «армянин» оказывается атрибутирован «язык» (атрибут второго порядка), за счет чего категории «армянин» оказываются также атрибутированы «древность» и «культура» в качестве характеристик (атрибуты первого порядка). Во второй — описывается разница между категориями «езиды» и «курды» (соотношение категорий), а также описывается совокупность индикаторов (язык, фамилии), которые указывают на принадлежность к этим категориям. Важно, что именно так и выглядит «сырой материал», на основании которого затем и эксплицируется конструкция этничности. Для того чтобы конструкция, «разделенная» участниками контекста, была эксплицирована в полноте, необходимо набрать достаточный массив интервью, внимательно относясь к процедуре отбора информантов. Так, интервью, выдержки из которых приведены выше, находятся в ряду еще 26 интервью, взятых в этом же селе. В тот момент, когда в соответствии с процедурами создания обоснованной теории, во-первых, категории и их атрибуты начинают повторяться, а во-вторых, исчерпываются все теоретические возможности увеличения вариативности (Thomson, 2010; Glaser, Strauss, 2017b) — информанты различаются по гендеру, месту рождения, этнической категории идентификации и другим характеристикам, предположительно обеспечивающим вариативность — появляется возможность для создания обобщенного описания конструкции этничности. Вот такое описание было создано применительно к этому селу:

Жители села категоризируют друг друга на основании категорий «армяне» и «курды»; «армяне», кроме того, категоризируют друг друга в качестве «ховецы», «сыгецы» и «ванецы» на основании мест происхождения предков в Турции (село основали в 1920-х переселенцы). С этими категориями связаны различные стереотипизированные характеристики. Так, категории «ванецы» атрибутируется «жадность», которая раскрывается в различных анекдотах⁶. С категорией «курды» в кругах «армян» связываются две основные характеристики: (1) их женщины распутные и (2) они, хотя вроде бы исповедуют свою религию, фактически являются криптомусульманами (обосновывается такое мнение тем, что в их домах видели плакаты с мекканской мечетью). Из этого выводится норма «не общаться» с ними. «Курды» говорят об армянах как о «хороших соседях», однако здесь можно предположить наличие нормы «не говорить плохо о категории “армяне” не-курдам»⁷. В интервью с «армянами», кроме

6. Идут два «ванецы» с женами. Видят друг друга. Один другому: «Барев!» (Привет, арм.). Другой отвечает: «Хазар барев!» (Тысяча приветов, арм.). Жена отводит второго в сторонку и говорит: «Какая тысяча — максимум сто!»

7. Представления информантов с категорией идентификации «армяне» были исследованы в ходе полевой работы детальнее, информанты чувствовали себя свободно, и (помимо атрибутов категории «русские», с которой ассоциировались исследователи) конструкция этничности была эксплицирована без существенных смещений. Нежелание же информанта из второй выдержки комментировать представления армян о криптоисламскости, с одной стороны, указывает на недоверие интервьюеру, с другой — на некоторые характеристики конструкции этничности, не позволяющие «курдам» говорить свободно об «армянах» и прочих категориях. Такие наблюдения также являются результатом.

того, фигурирует категория «азербайджанец». Последние существуют в двух качествах — как «хорошие соседи» (до войны армянские села в районе соседствовали с азербайджанскими) и как «враги». Два этих атрибута (и связанные с ними характеристики и нормативность) в единый нарратив не связываются. «Азербайджанскость» как качество, кроме того, приписывается армянским беженцам из Азербайджана (категория «пахстакан», в переводе с армянского языка — беженец), заменившим азербайджанцев в покинутых селах, и означает «черствость», которая раскрывается в воспроизводящейся истории про то, как рассказчик или его знакомый постучал в дом к «пахстакан» и попросил стакан воды, но встретил отказ. Активность приписывания атрибута «враг» азербайджанцам информантами различается, и эти различия можно связать в том числе с тем, насколько говорящий вовлечен в миграцию в Россию, где эта связка слабее в результате регулярных взаимодействий между представителями категорий «армянин» и «азербайджанец».

Это описание в общем виде представляет собой перечисление категорий в связке с атрибутами, комментарии относительно распределения соответствующей «картины мира» по людям, выявление общего и различного, а также соображения относительно того, как структурированы различия (в данном случае — по категории идентификации и по включенности в миграцию в Россию). Такое описание, кроме того, может быть визуализировано в рамках схемы, представленной на рисунке 2. Такие схемы «отрисовываются» для каждого информанта в отдельности, сопоставляются с другими, в результате чего и получается обобщенная схема. Важно, однако, что она используется скорее как инструмент для создания вербального описания, а также как иллюстрация к нему, а не как отчуждаемый результат анализа.

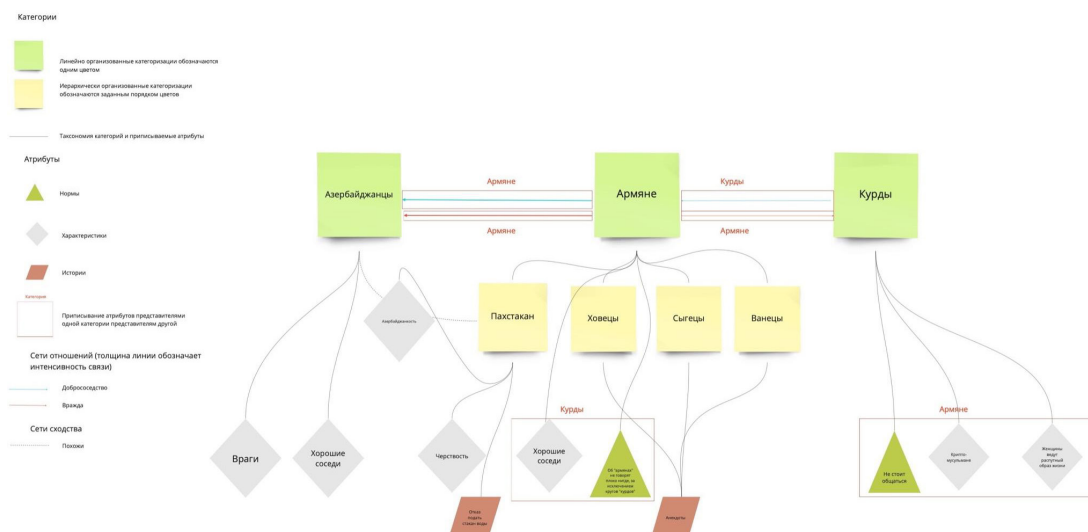

Рис. 2. Схематическая визуализация конструкции этничности для исследованного села в Гегаркуникской области Армении

Изучение спонтанных категоризаций методом элицитационного интервью

Но является ли то, как говорят люди об этничности, действительной экспликацией их интериоризированной конструкции этничности и не стоит ли разделить дискурс об этничности и реальное спонтанное дифференцирующее восприятие? Этот теоретический ход стал отправной точкой для другого исследования, проведенного в Бишкеке (Кыргызстан)⁸. В нем применялся метод видеоэлицитационных интервью⁹. Информантам демонстрировались видеозаписи, снятые в разных локациях, и их просили сказать, «к каким этническим группам» принадлежат люди на видео. Взаимодействие также фиксировалось на видео и затем осуществлялся анализ. На рисунке 3 приведен скриншот записи (в середине кадра — фрагмент видеостимула, справа в небольшом квадратике — интервьюер и интервьюируемый), затем — соответствующий фрагмент разговора.

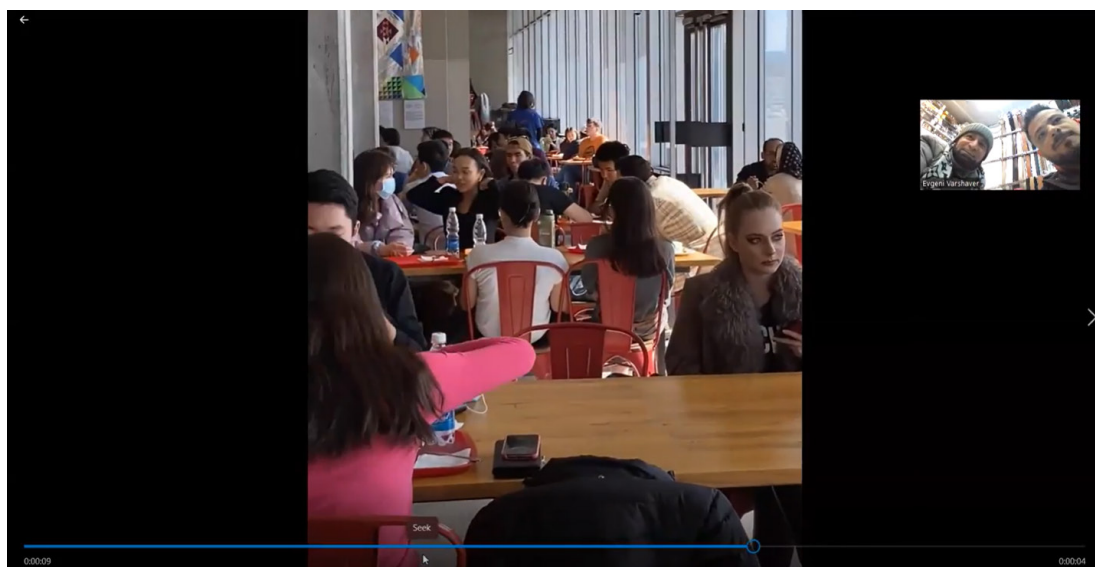

Рис. 3. Процесс видеоэлицитационного исследования

Информант: Эта девочка русская, свой стиль ориентирует на Кавказ, но не получается. Ну а эта кыргызская девушка, казахов и кыргызов сложно отличить.

Интервьюер: Ага. Кстати, а какие критерии?

Информант: Да. У них лицо чуть другое. На лицо можно определить, по фигуре можно определить.

Интервьюер: А вот эта девочка?

Информант: Тоже местная.

Интервьюер: А вот этот парень, который ест.

8. В ходе подготовки статьи исследование по сходной методологии было проведено и в Москве; методологические и содержательные результаты в ближайшее время будут освещены в серии публикаций.

9. Этот метод новый, чаще используется его предтеча — фотоэлицитация (Gold, 1991; Roth, 2015), в сравнении с которой у видеоверсии есть существенные плюсы.

Информант: Вот он тоже метис с Китаем, уйгур вроде...

Информант: В смысле может быть уйгур? Или киргиз, китаец или уйгур — это и есть киргизы, китайцы или как?

Информант: Нет. Уйгуры это другое, они ближе к Китаю. Потому что глаза у него китайские. А у уйгуров глаза небольшие.

Этот метод ориентирован на эмпирическую работу прежде всего с двумя элементами схемы — этническими категориями, максимально приближенными к своей «спонтанной» форме и представляющими в том виде, в каком они применяются в ходе категоризирования людей в повседневности, а также индикаторами, то есть теми признаками, по которым в таких ситуациях происходит классифицирование. Метод имеет свои ограничения: во-первых, классифицирование делается на основании не только визуальной, но и аудиальной и прочей информации, которая «схватывается» видео не оптимально, во-вторых же, оно чаще всего осуществляется в привычных, воспроизводящихся контекстах, и индикаторы внешности слабоуловимым образом соединяются с индикаторами контекста. «Усредненные городские контексты», эмулированные в этом исследовании, справлялись со своей задачей не полностью, хотя и были ориентированы на ее решение. Так или иначе в той мере, в какой социологические исследования ориентированы на анализ текстов интервью, в которых, по сути, эксплицируется дискурс, такой метод является важным инструментом, позволяющим получить более прямой доступ к процессу категоризации и его категориальным основаниям.

Этничность в музеях

Конструкция этничности воспроизводит себя не только в текстах или в спонтанных классификациях. «Содержится» этничность также в визуальных образах и — шире — в разного рода институционализированных пространствах, которые в современных социологических исследованиях культуры принято изучать как набор символов, намеренно или ненамеренно расположенных определенным образом. С учетом ограничений, к которым прежде всего относится широта «простора интерпретаций», из этого набора возможно «дистиллировать» конструкцию этничности. В 2019 году было проведено исследование в музеях республик Карелия и Калмыкия, а в 2021-м — в музеях Дагестана¹⁰. Была создана методология, позволяющая осуществлять эту «дистилляцию», в ее рамках анализировались образы и их контекст (например, расположение музея в населенном пункте, различия между текстом экскурсии и «текстом» экспозиции, взаимная соотнесенность залов и экспонатов в них, сами экспонаты и проч.). Вот выдержки из описания краеведческого музея в г. Лагань (Республика Калмыкия), фотографии материалов откуда представлены на рисунке 4.

10. Некоторые результаты этих исследований были отражены в следующей публикации: Гуцунаев и др., 2022.

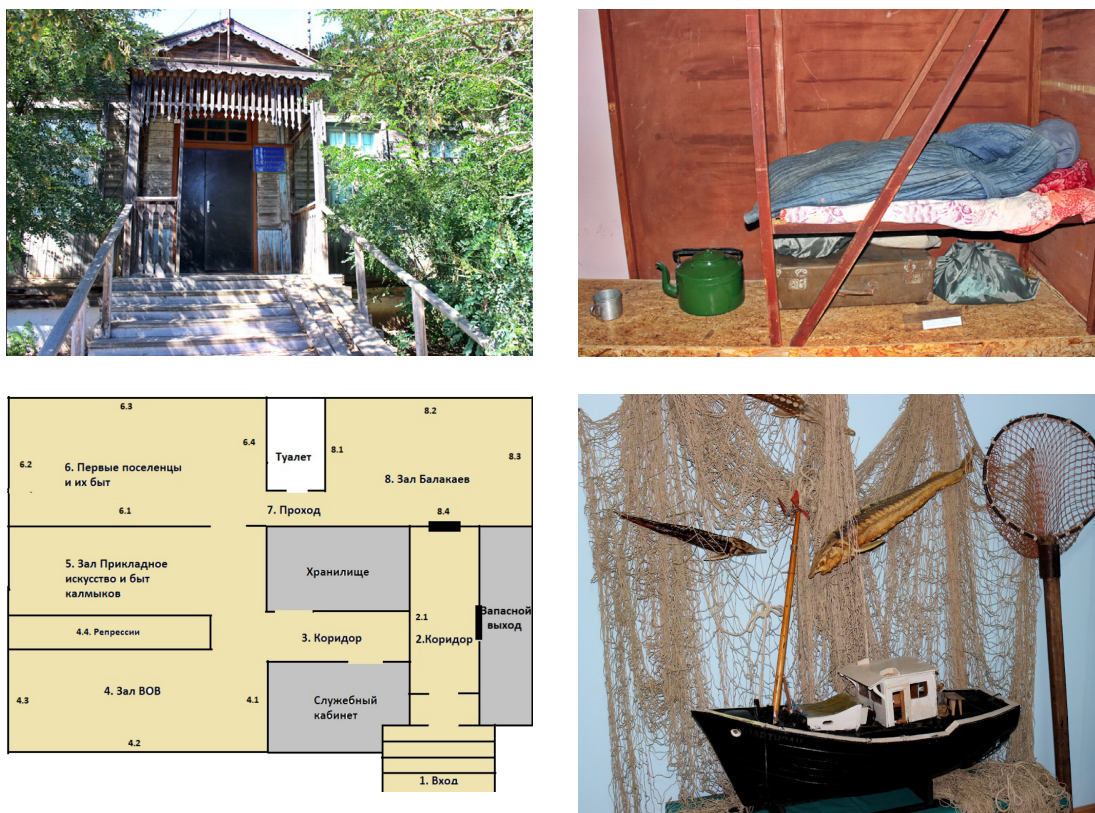

Рис. 4. Лаганский краеведческий музей: вид снаружи, план, элементы экспозиции

В музейном тексте присутствуют две основные этнические категории — «русские» и «калмыки». Они присутствуют в контексте друг друга, подчеркивается их равноправие и равнозначность для возникновения города. Эта репрезентация оказывается сопряжена со сложностью: город был основан русскими поселенцами. Но сложность эта решается посредством символического рядоположения двух залов — зала быта первых поселенцев, который одновременно является залом русской культуры, а также зала быта калмыков, которые описываются экспозицией как — в момент возникновения поселения — кочевавшие неподалеку, а затем ставшие горожанами. Экспонатов в этих залах примерно одинаковое количество, визуально ни один из залов не доминирует. Дискурсивно это равенство подчеркивается и в экскурсии, и в подписях к экспонатам: дерутся не калмыки с русскими, а «русские <...> и калмыки этого края на, там, русских, <...> и калмыков того края», а в море рыбаки выходили и выходят смешанными командами. Выбивается из нарратива о дружбе народов инсталляция, посвященная депортации калмыков и представляющая собой теплушку с манекеном, одетым в ватник и лежащим на нарах спиной к посетителю музея. Инсталляция сопровождается подписью «Депортация 1943 года: фрагмент товарного вагона», а также стендом с заглави-

ем «Боль земли калмыцкой» и представленными копиями документов. Инсталляция располагается в зале, посвященном Великой Отечественной войне, в котором экспозиция стандартна для уже изученных музеев — ход войны в целом и участие в ней уроженцев города, депортация же никак не объясняется и не интерпретируется. Конструкция этничности в той мере, в какой она может быть выделена из экспозиции, таким образом, одновременно содержит в себе указание на «хорошие отношения» между «калмыками» и «русскими», а также на факт депортации как на элемент калмыцкой истории (атрибут категории «калмык» — он или его предки пережили депортацию), не вписанный в конструкцию этничности в части отношений между этническими категориями.

Такой подход может быть использован для описания конструкции этничности в любых, не только музейных, пространствах (фестиваль, улица, кафе и проч.). Но в этом и предыдущих примерах речь шла почти исключительно о категориях и их атрибутах, на следующем будет продемонстрирован третий компонент модели — общие представления об этничности и, в частности, «народные социологии».

Народные социологии этничности

Как указывалось выше, элементом конструкции этничности являются и общие представления о ее природе. Они представляются людям самоочевидными и естественными и поэтому редко становятся объектом рефлексии. В зарубежной литературе, впрочем, есть несколько работ, лежащих в русле исследований т.н. «народных социологий этничности» — того, как рядовые члены общества представляют себе этнические явления. Из них был заимствован ряд вопросов, которые затем использовались в ходе полевого исследования в Дагестане в 2022 году¹¹. Эти вопросы имели форму «виньеток» — воображаемых ситуаций, в отношении которых информантам надо было определиться с поведением или оценкой, в результате чего можно сделать выводы о некоторых элементах их картины мира. Применялось задание «подмена при рождении» (Switch at birth task, SaBT), в рамках которого предлагалось определить национальность ребенка, родившегося в «моноэтнической» семье, родители которого попали в автокатастрофу, в результате чего ребенка передали в семью другой национальности. Вот формулировка этого вопроса:

Представьте себе ситуацию. В семье, где папа аварец и мама аварка, родился ребенок, но сразу после его рождения его родители попали в аварию и погибли, и ребенка взяла семья лучшего друга отца, даргинца по национальности. В этой семье к нему относились как к родному, давали все то же, что и родным детям. Наравне с ними он выучил даргинский язык, а аварский он не знает. Кем этот ребенок, на Ваш взгляд, является по национальности? А если авария произошла не сразу после его рождения, а когда ему было шесть-семь

11. Результаты этого исследования были отражены в следующих публикациях: Варшавер, Орлова, Шульга, 2023; Варшавер, Хабибуллин, Самосудова, Шульга, 2024.

лет? А если погибшие родители русские? А если национальность его родителей неизвестна?

Другой вопрос, который задавался информантам, являлся просьбой определить национальность человека, родители которого принадлежат к двум разным национальностям. В каждом случае предлагалось объяснить решение. Исследование показало, что в Дагестане сосуществуют разнообразные «народные социологии этничности». Анализ ответов на первую «виньетку» обнаружил, что вдобавок к ожидаемым вариантам ответа, которые позволяли классифицировать отвечающего как «примордиалиста» (национальность ребенка — это национальность его биологических родителей, «потому что национальность это кровь») и «конструктивиста» (национальность ребенка — это национальность его приемной семьи, «потому что национальность это культура»), воспроизводится и третий: национальность — это «всего лишь строчка в паспорте». Было установлено, что эта концепция распространена в тех сообществах, которые за последние 100 лет были официально ре-классифицированы в личных документах или в переписи. На этом основании была предложена интерпретация, согласно которой такая — административная — ре-классификация и стала причиной, по сути, экстерииоризации классификации по национальностям целыми сообществами. Был сделан общий теоретический вывод, согласно которому непоследовательная категоризационная политика государства может целиком дискредитировать в глазах людей эту, государственную, категоризацию. Использование распределения ответов на вторую «виньетку», где предлагалось классифицировать ребенка в «смешанной» семье, позволило продемонстрировать, что в Дагестане сосуществуют два основных классификаторных правила членства в национальностях — «по отцу» и «по обоим родителям». При этом первое распространено преимущественно в горах, второе — в равнинных городах. Были сделаны предположения о генезисе этих правил (правило «по отцу» наследует правилу классификации по кланам-тухумам, а «по обоим родителям» — следствие влияния современной генетической рамки). Были, кроме того, даны прогнозы относительно дальнейшей судьбы размывающейся классификации по национальностям. Основанием же для этих выводов служит именно третий элемент схемы — общие коллективные представления об этничности, ее природе и механизмах передачи.

Мигранты как объект эмпирических исследований этничности

Созданная модель может быть эффективно применена не только к категориям и явлениям, которые традиционно считаются этническими (например, «национальностям» в российском контексте), но и к прочим, пограничным в этом смысле категориям, в частности, к категории «мигранты». Эмпирическим фокусом такого рода исследований может быть и вписанность этой категории в сетку других категорий, и индикаторы, указывающие на «мигрантскость» в повседневности и в ходе

формальных интеракций и многое другое. Ниже будут описаны два исследовательских дизайна, реализованных с использованием модели, в которых в фокусе оказывались именно мигранты.

В центр первого исследования были помещены документы и мероприятия¹² российской национальной политики, рассматриваемой как воплощение имплицитной, нигде четко не проговариваемой конструкции этничности. Эмпирическое исследование этой политики — это способ понять, какая конструкция этничности реализуется и какую роль в ней играют мигранты. Для этого отдельно анализировались документы (Стратегия национальной политики, ее региональные вариации и проч.), отдельно — мероприятия (фестивали и церемонии, но также сайты и справочники — слово «мероприятие» в данном случае понималось так, как оно понимается в рамках административного дискурса). Полевая работа шла в Санкт-Петербурге и Республике Башкортостан, она подразумевала наблюдение на мероприятиях, а также интервьюирование их разработчиков и участников. Для каждого документа или мероприятия создавалось описание конструкции этничности с акцентом на категории «мигрант» и сходных категориях. Было показано, что мигранты и миграция постепенно включаются в конструкцию этничности, транслируемую этими политиками, однако и в текстах, и в мероприятиях эта позиция остается маргинальной. Эта маргинальность и инструменты ее «производства» были описаны детально.

Рис. 5. Ход исследования представлений о мигрантах в национальной политике

12. Результаты этого исследования пока не опубликованы.

Второе исследование¹³ было сфокусировано на том, как не-мигранты представляют себе интеграцию мигрантов. Теоретический посыл, ставший его основой, состоял в том, что эти представления являются имплицитным правилом членства в национальной категории, связываемой с российским обществом в целом (то есть классификаторным правилом), но одновременно они — элемент глобальной конструкции этничности, в рамках которой мир делится на нации, а каждый человек оказывается «приписан» к одной из них, и — по определенным правилам — может ее сменить. На материале 40 фокус-групп и 100 интервью в 5 регионах России было продемонстрировано, что такие — устойчивые — представления действительно существуют, что они не сводятся к вопросам «паспорта» и «гражданства», но также принимают во внимание «лояльность» и «культурное сходство». Однако наряду со «стандартной процедурой» существуют способы быстрого «вступления в нацию», а именно «подвиг». На основании этого исследования — базово посвященного представлениям о мигрантах и их интеграции — были реконструированы и представления о российской нации, являющейся в этой логике элементом воображения глобального этнического разнообразия.

* * *

Этими примерами вариативность полевых методов, приемов и дизайнов, в рамках которых возможна операционализация предложенной модели, не исчерпывается. В частности, модель может быть использована в количественных исследованиях, где, например, представления о категориях шкалируются по критерию интенсивности, а классическая шкала Богардуса из оценивающей «реальную» социальную дистанцию превращается в шкалу, описывающую представления о дистанции. И, напротив, коллективные дифференцирующие представления могут изучаться на основании этнографических подходов и, в частности, метода автоэтнографии, в рамках которой осуществляется рефлексия конструкции этничности, в которую исследователь был социализирован или в которой оказался на определенном жизненном этапе. Модель может быть использована и для изучения формальной нормативности — скажем, квоты на поступление в высшие учебные заведения переписываются как нормы, связанные с определенными категориями. Модель может применяться для исследования разнообразия социальных категорий, которые традиционно не относятся к этническим («мигранты», «мусульмане») и многого другого. Более того, модель может описывать конструкции этничности прошлого, «дистиллированные» на основании исторических методов. Будучи апробированной в разнообразии исследований, выполненных в разных методологиях, модель показала свою эффективность как общий знаменатель эмпирических описаний этничности.

13. Результаты этого исследования опубликованы в следующих работах: Варшавер, Иванова, Егорова, 2024; Иванова, Егорова, Варшавер, Савин, 2024.

Заключительные соображения

Выше, таким образом, представлена дескриптивная теоретико-методологическая модель, которая отвечает на вопрос, что именно исследуется, когда исследуется этничность, а также предлагаются конкретные ходы для эмпирических исследований в режиме «открытого списка». Вместе они являются фундаментом авторской программы исследований этничности. В заключительном фрагменте статьи эти программа и модель будут помещены в контекст основных конструктивистских моделей и программ, созданных для исследования этничности, и их лакун¹⁴.

Итак, прежде всего приведенная модель — надстройка над работами Брубекера (Brubaker, 2006; Brubaker, Gransea, Feischmidt, Fox, 2006). Будучи не только теоретиком, но и полевым этнографом, свои концепции он разрабатывал в рамках и эмпирических исследований, однако, с одной стороны, методология этих исследований не была им обобщена и универсализирована, с другой — его теоретические построения не были методологизированы, и, предостерегая от группизма и заявляя когнитивный поворот, Брубекер в целом не предлагает конкретных, отчуждаемых исследовательских ходов по его осуществлению. Эта лакуна компенсируется в данной работе.

Программа Андреаса Виммера (Wimmer, 2013), организованная вокруг концепта «этническая граница», в целом также находится в контексте работ Брубекера, и в ее рамках разработана таксономия стратегий повседневной «работы» с этническими границами, описано взаимодействие между разными уровнями, на которых «происходит» эта «работа» (Wimmer, 2008), описываются конкретные эмпирические дизайны (Wimmer, 2004). Однако «родовой травмой» проекта Виммера является сам концепт, вокруг которого этот проект строится. Границы, будучи продуктивной метафорой во времена Барта, исчерпали свой ресурс, и вмонтированная в них пространственная семантика практически перестает работать в контекстах, не ограничивающихся двумя категориями, представители которых проживают на соседних территориях. Виммер пытался «залатать дыру», усилив интерактивный компонент и перейдя от собственно границ к их производству, однако этим проблема снята не была. Продуктивным решением, как представляется, является концептуальная «перепрошивка» концептуального поля с сохранением, однако, большинства теоретико-методологических инноваций Виммера.

Канчан Чандра (Chandra, 2012), работая в рамках инструменталистского подхода, делает важную теоретическую работу, разрывая связь между людьми и категориями (идентичностями), однако ее язык описания узкоспецифичен, а теория затрагивает лишь один аспект этничности (связку между категориями и индикаторами), не претендуя на универсальность. Ее теория с некоторыми оговорками «стыкуется» с более универсальным описанием, представленным в этой статье.

14. Более подробное изложение этих программ и моделей представлено в другой работе автора: Варшавер, 2022а.

Важны и построения Ричарда Дженкинса (Jenkins, 1994), который также фокусируется на этнических категориях, а помимо этого разрабатывает социологическую теорию идентичности (Jenkins, 2014), ориентируясь на феноменологическую социологическую традицию. Дженкинс, однако, не всегда четок в том, как разные компоненты его теории «сшиваются» друг с другом. Кроме того, поскольку он прежде всего теоретический социолог, он почти не занимается вопросом операционализации, используя эмпирическую реальность как резервуар примеров, а не данных, получаемых по определенным процедурам. Сложность и неоперационализируемость в случае Дженкинса связаны между собой, и, несмотря на существенные теоретические продвижения, в результате этого его работы сравнительно малоизвестны.

Модель, представленная в этой статье, по контрасту с описанными программами и моделями является, во-первых, концептуально ненагруженной, во-вторых, четкой и прозрачной, в-третьих, полевой, в-четвертых, универсальной. Исходя из этого, она и может быть полезной как связующее звено между теоретическим осмыслением феномена этничности и разнодисциплинарными эмпирическими дизайнами, разрабатываемыми и воплощаемыми в рамках ее изучения.

Модель и программа на данный момент носят прежде всего характер теоретико-методологического каркаса, который должен обрастать и теоретическими разработками. В частности, часто упоминаемый когнитивный поворот в исследованиях этничности, как уже говорилось, находится лишь в начальной стадии, должна быть оценена возможность (и необходимость) «когнитивизации» описанной модели. Для этого следует проводить больше эмпирических исследований на стыке социологии и когнитивистики. Сейчас модель в большей степени ориентирована на описание коллективных представлений, которые находятся во взаимосвязи с когнитивными схемами, но к ним не редуцируются (и наоборот, коллективные представления не являются простым общим знаменателем индивидуальных представлений). Важно, кроме того, что этот подход может стать междисциплинарным мостом между когнитивными и историческими исследованиями этничности. Изучение того, как люди в прошлом воспринимали и осмыслили различия, является амбициозной и пока сложностижимой (за отсутствием как инструментов, так и соответствующих пониманий) целью. С другой стороны — для того, чтобы построенное здание было более основательным — могут стать объектом более детального исследования собственно социологические основания созданного подхода. Определенно требуют дальнейшей разработки и инструменты визуализации и схематизации. Важно, однако, что все это является уточнением и адаптацией уже созданного и представленного в этой статье теоретико-методологического каркаса. Помимо доработок, однако, важно начать осуществлять и дальнейшие шаги, состоящие в том, чтобы эта — созданная — этническая переменная была вписана в объяснительные модели. Легитимным вопросом в рамках такого рода объяснений могут быть закономерности, связанные с изменением конструкции этничности или отдельных ее частей (как и почему меняются характеристики категорий,

сами категории или возникают и исчезают целые классификации). Здесь — с соблюдением всех «требований техники безопасности» выигрышными будут междисциплинарные объяснения, в которых, например, будут синтезированы социологические инструменталистские идеи сознательного усложнения нормативности для доступа к ресурсам, и заимствуемая из когнитивистики идея дескриптивной мощности категорий и классификаций как инструментов описания реальности (чем эта мощность меньше, тем вероятнее исчезновение категорий и классификаций). Эти объяснительные модели, кроме того, могут быть «опрокинуты» на прошлое. Однако, как уже говорилось, для этого нужна «крепко сбитая» «этническая» переменная, которая и была предложена в данной работе.

Литература

- Андерсон Б. (2001). Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц.
- Барт Ф. (ред.). (2006). Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство.
- Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум.
- Варшавер Е. А. (2022a). «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. Т. 21. № 3. С. 1–58.
- Варшавер Е. А. (2022b). В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Т. 4. № 170. С. 199–221.
- Варшавер Е. А., Орлова А. А., Шульга А. Е. (2023). Документарный конструктивизм как особая форма конструктивистской народной социологии: свидетельства из Дагестана // Этнографическое обозрение. № 6. С. 156–177.
- Варшавер Е. А., Хабибуллин А. М., Самосудова А. Д., Шульга А. В. (2024). «По отцу» или «по обоим родителям»? Вариации децентного классификаторного правила, используемого при определении членства в этнических категориях в современном Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 176–201.
- Варшавер Е. А., Иванова Н. И., Егорова Т. Е. (2024). Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью? // Вестник РУДН Политология. № 2.
- Вахштайн В. (2015). «Поворот к материальному»: тридцать лет спустя // Социология власти. Т. 27. № 1. С. 8–16.
- Геллнер Э. (1991). Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс.

- Гириц К. (2004). Интерпретация культур / Пер. с англ. О. В. Барсуковой, А. А. Борзунова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Гуцунаев М. А., Дроздова А. Е., Кожаринова Е. В., Кунина А. И., Малиновский А. А., Назаров В. В., Ракачева А. В., Степанова Д. С., Варшавер Е. А. (2022). По следам этнического разнообразия в современном Дагестане: сборник статей по результатам студенческой экспедиции / Под общ. ред.: Е. А. Варшавер. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Дюркгейм Э. (2019). Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Юрайт.
- Иванова Н. С., Егорова Т. Д., Варшавер Е. А., Савин И. С. (2024). «Жить так же, как мы живем»: представления жителей России об интеграции мигрантов // Актуальные проблемы Европы. (в печати).
- Пыжова А. Н. (2012). Этническая идентичность поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов // Арктика и Север. № 7. С. 37–44.
- Тишков В. А. (б.д.). Этничность как форма социальной организации. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/etnichnost.html> (дата доступа: 08.03.2024).
- Adler-Nissen R. (2016). The Social Self in International Relations: Identity, Power and the Symbolic Interactionist Roots of Constructivism // European Review of International Studies. Vol. 3. № 3. P. 27–39.
- Allport G. W., Clark K., Pettigrew T. (1979). The Nature of Prejudice. New York: Basic Books.
- Andrews T. (2012). What is Social Constructionism // Grounded Theory Review. Vol. 11. № 1. P. 39–46.
- Augoustinos M., Innes J. M. (1990). Towards an Integration of Social Representations and Social Schema Theory // British Journal of Social Psychology. Vol. 27. № 3. P. 213–231.
- Brubaker R. (2006). Ethnicity Without Groups. Cambridge: Harvard University Press.
- Brubaker R., Grancea L. V. E., Feischmidt M., Fox J. (2006). Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town. Princeton University Press.
- Brubaker R., Loveman M., Stamatov p. (2004). Ethnicity as Cognition // Theory and Society. Vol. 33. № 1. P. 31–64.
- Chai S-K. (1996). A Theory of Ethnic Group Boundaries // Nations and Nationalism. Vol. 2. № 2. P. 281–307.
- Chandra K. (ed.). (2012). Constructivist Theories of Ethnic Politics. Oxford: Oxford University Press.
- Chandra K. (2013). What is Ethnic Identity? A Minimalist Definition // Constructivist Theories of Ethnic Politics. Oxford University Press.
- Charsley S. R. (1974). The Formation of Ethnic Groups // Urban ethnicity. P. 337–368.
- Cohen A. (2013). Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Towns. Routledge.
- Cosmides L., Tooby J., Kurzban R. (2003). Perceptions of Race // Trends in Cognitive Sciences. Vol. 7. № 4. P. 173–179.

- Diehl M.* (1990). The Minimal Group Paradigm: Theoretical Explanations and Empirical Findings // *European Review of Social Psychology*. Vol. 1. № 1. P. 263–292.
- Fearon J., Laitin D.D.* (2000). Ordinary Language and External Validity: Specifying Concepts in the Study of Ethnicity. Working Paper. URL: <https://web.stanford.edu/group/fearon-research/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/Ordinary-Language-and-External-Validity-Specifying-Concepts-in-the-Study-of-Ethnicity.pdf> (дата обращения: 08.03.2024).
- Fuller S., Mey M., Shinn T., Woolgar S.* (eds.). (1989). *The Cognitive Turn: Sociological and Psychological Perspectives on Science*. Dordrecht: Springer Science+Business Media Dordrecht.
- Gee J.P.* (2014). *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method* (4th ed.). London: Routledge.
- Glaser B.G., Strauss A.L.* (2017a). *Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Routledge.
- Glaser B.G., Strauss A.L.* (2017b). Theoretical Sampling // *Sociological Methods*. Routledge. P. 105–114.
- Gold S.J.* (1991). Ethnic Boundaries and Ethnic Entrepreneurship: A Photo-Elicitation Study // *Visual Studies*. Vol. 6. № 2. P. 9–22.
- Hobsbawm E., Ranger T.* (eds.). (2012). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hogg M.A.* (2016). *Social identity theory*. Springer International Publishing.
- Hutchby I., Wooffitt R.* (2008). *Conversation Analysis*. Polity.
- Hutchinson J., Smith A.D.* (eds.). (1996). *Ethnicity*. Oxford: Oxford University Press.
- Ignatow G.* (2007). Theories of Embodied Knowledge: New Directions for Cultural and Cognitive Sociology? // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 37. № 2. P. 115–135.
- Ingelaere B., Paviotti A.* (2023). The Waxing and Waning of Ethnic Boundaries: Violence, Peace and the Ubwoko in Burundi // *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 61. № 2. P. 235–256.
- Jenkins R.* (1994). Rethinking Ethnicity: Identity, Categorization and Power // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 17. № 2. P. 197–223.
- Jenkins R.* (2014). *Social identity*. Routledge.
- Kubota J.T., Banaji M.R., Phelps E.A.* (2012). The Neuroscience of Race // *Nature Neuroscience*. Vol. 15. № 7. P. 940–948.
- Latour B.* (2007). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oup Oxford.
- McDermott M., Samson F.L.* (2005). White Racial and Ethnic Identity in the United States // *Annual Review of Sociology*. Vol. 31. № 1. P. 245–261.
- Modood T.* (2004). Capitals, Ethnic Identity and Educational Qualifications // *Cultural Trends*. Vol. 13. № 2. P. 87–105.
- Moscovici S. et al.* (1981). On Social Representations // *Social cognition: Perspectives on Everyday Understanding*. Vol. 8. № 12. P. 181–209.
- Moscovici S.* (2001). *Social Representations: Essays in Social Psychology*. Nyu Press.

- Moya C., Boyd R.* (2015). Different Selection Pressures Give Rise to Distinct Ethnic Phenomena: A Functionalist Framework with Illustrations from the Peruvian Altiplano // *Human Nature*. Vol. 26. № 1. P. 1-27.
- Nagel J.* (1994). Constructing Ethnicity: Creating and Recreating Ethnic Identity and Culture // *Social Problems*. Vol. 41. № 1. P. 152-176.
- Okamura J. Y.* (1981). Situational Ethnicity // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 4. № 4. P. 425-465.
- Pfadenhauer M., Knoblauch H.* (eds.). (2018). *Social Constructivism as Paradigm?: The Legacy of the Social Construction of Reality*. London: Routledge.
- Pilarska J.* (2021). The Constructivist Paradigm and Phenomenological Qualitative Research design // *Pabel A., Pryce J., Anderson A.* (eds.). *Research Paradigm Considerations for Emerging Scholars*. Bristol: Channel View Publications. P. 64-83.
- Pyasik M., Proverbio A. M., Pia L.* (2023). Behavioral and Neurophysiological Indices of the Racial Bias Modulation After Virtual Embodiment in Other-Race Body // *Iscience*. Vol. 26. № 10. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC37860769/> (дата доступа: 08.03.2024).
- Raphael M. W.* (2017). *Cognitive Sociology* // *Oxford Bibliographies Online in Sociology*. URL: https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1305&context=gc_pubs (дата доступа: 08.03.2024).
- Roth W. D.* (2015). Studying Ethnic Schemas: Integrating Cognitive Schemas into Ethnicity Research Through Photo Elicitation // *Santos C. E., Umaña-Taylor A. J.* (eds.). *Studying ethnic identity: Methodological and conceptual approaches across disciplines*. American Psychological Association. P. 89-118.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G.* (1978). A Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking for Conversation // *Schenkein J.* (ed.). *Studies in the Organization of Conversational Interaction*. New York: Academic Press. P. 7-55.
- Sanders J. M.* (2002). Ethnic Boundaries and Identity in Plural Societies // *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. № 1. P. 327-357.
- Searle J. R.* (1979). *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*. New York: Cambridge University Press.
- Seigfried H.* (1976). Descriptive Phenomenology and Constructivism // *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 37. № 2. P. 248-261.
- Smith A. D.* (2009). *Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. Routledge.
- Sporer S. L.* (2001). Recognizing Faces of Other Ethnic Groups: An integration of Theories // *Psychology, Public Policy, and Law*. Vol. 7. № 1. P. 36.
- Surkis J.* (2012). When Was the Linguistic Turn? A Genealogy // *The American Historical Review*. Vol. 117. № 3. P. 700-722.
- Tajfel H., Turner J. C.* (1979). An Integrative Theory of Intergroup Conflict // *Austin W. G., Worchel S.* (eds.). *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey: Brooks/Cole. P. 33-37.
- Tannen D., Hamilton H. E., Schiffrin D.* (2015). *The Handbook of Discourse Analysis*. John Wiley & Sons.

- Thomson S. B.* (2010). Sample Size and Grounded Theory // Grounded Theory-Sample Size. *Journal of Administration and Governance*. Vol. 5. № 1. P. 45–52.
- Valentine T. M., Lewis B., Hills P. J.* (2016). Face-Space: A Unifying Concept in Face Recognition Research // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Vol. 69. № 10. P. 1996–2019.
- Van Dijk T. A.* (1984). *Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Van Dijk T. A.* (2009). Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach // *Methods of Critical Discourse Analysis*. Vol. 2. № 1. P. 62–86.
- Wimmer. A.* (2004). Does Ethnicity Matter? Everyday Group Formation in Three Swiss Immigrant Neighbourhoods // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 27. № 1. P. 1–36.
- Wimmer. A.* (2008). Elementary Strategies of Ethnic Boundary Making // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 31. № 6. P. 1025–1055.
- Wimmer. A.* (2008). The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory // *American Journal of Sociology*. Vol. 113. № 4. P. 970–1022.
- Wimmer A.* (2013). *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford: Oxford University Press.

What Exactly is Studied When Ethnicity is Researched? A Descriptive Model for Constructivist Studies of Ethnicity in the Context of the Cognitive Turn

Evgeni A. Varshaver

Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Address: Vernadskogo prosp., 84, bld. 3, Moscow, 119571, Russian Federation
E-mail: varshavere@gmail.com

This article presents a descriptive theoretical-methodological model developed based on contemporary constructivist approaches to ethnicity research and situated within the context of the cognitive turn occurring in social sciences in general, and ethnicity studies in particular. This synthetic model addresses the question of what specifically needs to be researched when studying ethnicity and also provides tools for the operationalization of ethnicity for empirical research. Broadly, the model describes differentiating collective representations. The key elements of the model are ethnic categories and their relations, which are associated with various attributes divided into first and second-order attributes, also included in the model. The third type of elements in the model are general representations of the nature of ethnicity, characterizing the construction of ethnicity as a whole, understood as the entire collection of categories, attributes, and general representations in interrelation. The construction of ethnicity and its individual elements are the focus of empirical research, and the article also presents approaches to the operationalization of ethnicity within specific research designs. By accumulating contemporary approaches and distancing itself from other constructivist models (R. Brubaker, K. Chandra, A. Wimmer, and R. Jenkins), the article thus offers a transparent conceptualization of ethnicity, as well as concrete solutions for empirical research. It is addressed to researchers who, in one way or

another, deal with ethnicity in their studies, yet lack a clear understanding of what exactly is being discussed when ethnicity is researched and what can be the focus of empirical investigations.

Keywords: Ethnicity, Constructivism, Cognitive Turn, Construction of Ethnicity, Categories, Brubaker

References

- Adler-Nissen R. (2016) The Social Self in International Relations: Identity, Power and the Symbolic Interactionist Roots of Constructivism. *European Review of International Studies*, vol. 3, no 3, pp. 27–39.
- Allport G. W., Clark K., Pettigrew T. (1979) *The Nature of Prejudice*, New York: Basic Books.
- Anderson B. (2001) Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranении nacionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Moscow: KANON-press-C.
- Andrews T. (2012) What is Social Constructionism. *Grounded Theory Review*, vol. 11, no 1, pp. 39–46.
- Augoustinos M., Innes J. M. (1990) Towards an integration of social representations and social schema theory. *British Journal of Social Psychology*, vol. 27, no 3, pp. 213–231.
- Barth F. (ed) (2006) *Jetnicheskie gruppy i social'nye granicy: Social'naja organizacija kul'turnyh razlichij* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Berger P., Luckmann T. (1995) *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge], Moscow: Medium.
- Brubaker R. (2006) *Ethnicity Without Groups*, Cambridge: Harvard University Press.
- Brubaker R., Grancea L. V. E., Feischmidt M., Fox J. (2006) *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*, Princeton University Press.
- Brubaker R., Loveman M., Stamatov p. (2004) Ethnicity as Cognition. *Theory and Society*, vol. 33, no 1, pp. 31–64.
- Chai S-K. (1996) A Theory of Ethnic Group Boundaries. *Nations and Nationalism*, vol. 2, no 2, pp. 281–307.
- Chandra K. (ed.) (2012) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*, Oxford: Oxford University Press.
- Chandra K. (2013) What is Ethnic Identity? A Minimalist Definition. *Constructivist Theories of Ethnic Politics*, Oxford University Press.
- Charsley S. R. (1974) The Formation of Ethnic Groups. *Urban Ethnicity*, pp. 337–368.
- Cohen A. (2013) *Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Towns*. Routledge.
- Cosmides L., Tooby J., Kurzban R. (2003) Perceptions of Race. *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 7, no 4, pp. 173–179.
- Diehl M. (1990) The Minimal Group Paradigm: Theoretical Explanations and Empirical Findings. *European Review of Social Psychology*, vol. 1, no 1, pp. 263–292.
- Durkheim E. (2019) *Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose], Moscow: Jupiter Publishings.
- Fearon J., Laitin D. D. (2000) Ordinary Language and External Validity: Specifying Concepts in the Study of Ethnicity. *Working Paper*. Available at: <https://web.stanford.edu/group/fearon-research/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/Ordinary-Language-and-External-Validity-Specifying-Concepts-in-the-Study-of-Ethnicity.pdf> (accessed 8 March 2024).
- Fuller S., Mey M., Shinn T., Woolgar S. (eds.) (1989) *The Cognitive Turn: Sociological and Psychological Perspectives on Science*, Dordrecht: Springer Science+Business Media Dordrecht.
- Gee J. P. (2014) *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method* (4th ed.), London: Routledge.
- Glaser B. G., Strauss A. L. (2017a) *Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*, Routledge.
- Glaser B. G., Strauss A. L. (2017b) *Theoretical Sampling. Sociological Methods*, Routledge, pp. 105–114.
- Geertz K. (2004) *Interpretacija kul'tur* [The Interpretation of Cultures], Moscow: Russian political encyclopedia.

- Gellner E. (1991) *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism], Moscow: Progress.
- Gold S. J. (1991) Ethnic Boundaries and Ethnic Entrepreneurship: A Photo-Elicitation Study. *Visual Studies*, vol. 6, no 2, pp. 9–22.
- Gucunaev M. A., Drozdova A. E., Kozharinova E. V., Kunina A. I., Malinovskij A. A., Nazarov V. V., Rakacheva A. V., Stepanova D. S., Varshaver E. A. (2022). *Po sledam jetnicheskogo raznoobrazija v sovremennom Dagestane: sbornik statej po rezul'tatam studencheskoj jekspedicii* [On Ethnic Diversity in Modern Dagestan: Students' Field Trip Collection of Articles], Moscow: HSE Publishing House.
- Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) (2012) *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hogg M. A. (2016) *Social Identity Theory*, Springer International Publishing.
- Hutchby I., Wooffitt R. (2008) *Conversation Analysis*, Polity.
- Hutchinson J., Smith A. D. (eds.) (1996) *Ethnicity*, Oxford: Oxford University Press.
- Ignatow G. (2007) Theories of Embodied Knowledge: New Directions for Cultural and Cognitive Sociology? *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 37, no 2, pp. 115–135.
- Ingelaere B., Paviotti A. (2023) The Waxing and Waning of Ethnic Boundaries: Violence, Peace and the Ubwoko in Burundi. *The Journal of Modern African Studies*, vol. 61, no 2, pp. 235–256.
- Ivanova N. S., Egorova T. D., Varshaver E. A., Savin I. S. (2024). «Zhit' tak zhe, kak my zhivem»: predstavleniya zhitel'ev Rossii ob integracii migrantov [“To live just like we do”: concepts of Russian residents about the integration of migrants]. *Aktual'nye problemy Evropy*. (In press).
- Jenkins R. (1994) Rethinking Ethnicity: Identity, Categorization and Power. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 17, no 2, pp. 197–223.
- Jenkins R. (2014). *Social Identity*, Routledge.
- Kubota J. T., Banaji M. R., Phelps E. A. (2012) The Neuroscience of Race. *Nature Neuroscience*, vol. 15, no 7, pp. 940–948.
- Latour B. (2007) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*, Oup Oxford.
- McDermott M., Samson F. L. (2005) White Racial and Ethnic Identity in the United States. *Annual Review of Sociology*, vol. 31, no 1, pp. 245–261.
- Modood T. (2004) Capitals, Ethnic Identity and Educational Qualifications. *Cultural Trends*, vol. 13, no 2, pp. 87–105.
- Moscovici S. et al. (1981) On Social Representations. *Social cognition: Perspectives on Everyday Understanding*, vol. 8, no 12, pp. 181–209.
- Moscovici S. (2001) *Social Representations: Essays in Social Psychology*, Nyu Press.
- Moya C., Boyd R. (2015) Different Selection Pressures Give Rise to Distinct Ethnic Phenomena: A Functional Framework with Illustrations from the Peruvian Altiplano. *Human Nature*, vol. 26, no 1, p. 1–27.
- Nagel J. (1994) Constructing Ethnicity: Creating and Recreating Ethnic Identity and Culture. *Social Problems*, vol. 41, no 1, pp. 152–176.
- Okamura J. Y. (1981) Situational Ethnicity. *Ethnic and racial studies*, vol. 4, no 4, pp. 425–465.
- Pfadenhauer M., Knoblauch H. (eds.) (2018) *Social Constructivism as Paradigm?: The Legacy of the Social Construction of Reality*, London: Routledge.
- Pilarska J. (2021) The Constructivist Paradigm and Phenomenological Qualitative Research design. *Research Paradigm Considerations for Emerging Scholars* (eds. A. Pabel, J. Pryce, A. Anderson), Bristol: Channel View Publications, pp. 64–83.
- Pyasik M., Proverbio A. M., Pia L. (2023) Behavioral and Neurophysiological Indices of the Racial Bias Modulation After Virtual Embodiment in Other-Race Body. *Iscience*, vol. 26, no 10. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC37860769/> (accessed 8 March 2024).
- Pyzhova A. N. (2012) Jetnicheskaja identichnost' pomorov Arhangel'skoj oblasti cherez prizmu osnovnyh antropologicheskikh podhodov [Ethnic Identity of Pomors of the Arkhangelsk Region Through the Prism of the Main Anthropological Approaches]. *Arctic and North*, no 7, pp. 37–44.
- Raphael M. W. (2017) *Cognitive Sociology*. *Oxford Bibliographies Online in Sociology*. Available at: https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1305&context=gc_pubs (accessed 8 March 2024).

- Roth W.D. (2015) Studying Ethnic Schemas: Integrating Cognitive Schemas into Ethnicity Research Through Photo Elicitation. *Studying Ethnic Identity: Methodological and Conceptual Approaches across Disciplines* (eds. C. E. Santos, A. J. Umaña-Taylor), American Psychological Association, pp. 89–118.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. (1978) A Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking for Conversation. *Studies in the Organization of Conversational Interaction* (ed. J. Schenkein), New York: Academic Press, pp. 7–55.
- Sanders J. M. (2002) Ethnic Boundaries and Identity in Plural Societies. *Annual Review of Sociology*, vol. 28, no 1, pp. 327–357.
- Searle J. R. (1979) *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*, New York: Cambridge University Press.
- Seigfried H. (1976) Descriptive Phenomenology and Constructivism. *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 37, no 2, pp. 248–261.
- Smith A. D. (2009) *Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*, Routledge.
- Sporer S. L. (2001) Recognizing Faces of Other Ethnic Groups: An integration of Theories. *Psychology, Public Policy, and Law*, vol. 7, no 1, pp. 36.
- Surkis J. (2012) When Was the Linguistic Turn? A Genealogy. *The American Historical Review*, vol. 117, no 3, pp. 700–722.
- Tajfel H., Turner J. C. (1979) An Integrative Theory of Intergroup Conflict. *The Social Psychology of Intergroup Relations* (eds. W. G. Austin., S. Worchel), Monterey: Brooks/Cole, pp. 33–37.
- Tannen D., Hamilton H. E., Schiffrin D. (2015) *The Handbook of Discourse Analysis*, John Wiley & Sons.
- Thomson S. B. (2010) Sample Size and Grounded Theory. *Grounded Theory-Sample Size. Journal of Administration and Governance*, vol. 5, no 1, pp. 45–52.
- Tishkov V. A. (d.b.). Jetnichnost' kak forma social'noj organizacii [Ethnicity as a Form of Social Organisation]. Available at: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekci2/lekci/etnichnost.html> (accessed 8 March 2024).
- Vahshatjn V. (2015) «Povorot k material'nomu»: tridcat' let spustja [«Turn to Material»: Thirty Years Later]. *Sociologija vlasti*, vol. 27, no 1, pp. 8–16.
- Valentine T. M., Lewis B., Hills P. J. (2016) Face-space: A Unifying Concept in Face Recognition Research. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, vol. 69, no 10, pp. 1996–2019.
- Van Dijk T. A. (1984) *Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Van Dijk T. A. (2009) Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach. *Methods of Critical Discourse Analysis*, vol. 2, no 1, pp. 62–86.
- Varshaver E. A. (2022a) «Perestat' pinat' mertvuju loshad' primordializma»: aktual'nye povestki dnja v konstruktivistskih issledovanijah jetnichnosti [«Stop Beating the Dead Primordial Horse»: Actual Agendas in the Constructivist Research of Ethnicity]. *Russian Sociological Review*, vol. 21, no 3, pp. 1–58.
- Varshaver E. A. (2022b) V lovushke dvojnoj irrelevantnosti: (vos)proizvodstvo jetnichnosti vo vzaimodejstvijah mezhdru perepischikami i perepisyvaemymi v hode vserossijskoj perepisi 2021 g. v Dagestane [Trapped in Double-Irrelevancy: (Re)-Production of Ethnicity in Interactions Between Census-Takers and Their Respondents Based on Results of Observations During 2021 All-Russian Census in Dagestan]. *Monitoring of Public Opinion*, vol. 4, no 170, pp. 199–221.
- Varshaver E. A., Orlova A. A., Shulga A. E. (2023) Dokumentarnyj konstruktivizm kak osobaja forma konstruktivistskoj narodnoj sociologii: svidetel'stva iz Dagestana [Documentary Constructivism as a Special Form of Constructivist Folk Sociology: Evidence from Dagestan]. *Ethnographic Review*, no 6, pp. 156–177.
- Varshaver E. A., Habibullin A. M., Samosudova A. D., Shul'c A. V. (2024) «Po otcu» ili «po oboim roditeljam»? Variacii decentnogo klassifikatornogo pravila, ispol'zuemogo pri opredelenii chlenstva v jetnicheskikh kategorijah v sovremennom Dagestane [«From Father» or «From Both Parents»? Variations of the Descent Classificatory Rule Regulating Membership in Ethnic Categories in Modern Dagestan]. *Monitoring of Public Opinion*, no 1, pp. 176–201.
- Varshaver E. A. (2024) Jevoljucionnaja kognitivistika kak resurs dlja ob'jasnenija jetnicheskikh javlenij «posle kognitivnogo povorota» [Evolutionary Cognitive Science as a Resource for Explaining Ethnic Phenomena «After the Cognitive Turn»]. *Monitoring of Public Opinion*, (in print).

- Varshaver E. A., Ivanova N. I., Egorova T. E. (2024) Voobrazhaja rossijskuju naciju: kto, s točki zrenija žitelej Rossii, javljaetsja chast'ju rossijskogo obshhestva i možno li stat' ego chast'ju? [Imagining the Russian Nation: Who, According to the Residents of Russia, Constitute Russian Society, and Can an Outsider Become its Member?]. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, no 2, (in print).
- Wimmer A. (2004) Does Ethnicity Matter? Everyday Group Formation in Three Swiss Immigrant Neighbourhoods. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 27, no 1, pp. 1-36.
- Wimmer A. (2008) Elementary Strategies of Ethnic Boundary Making. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 31, no 6, pp. 1025-1055.
- Wimmer A. (2008) The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. *American Journal of Sociology*, vol. 113, no 4, pp. 970-1022.
- Wimmer A. (2013) *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*, Oxford: Oxford University Press.